

**ПАРАДИГМА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО АРОМОРФОЗА
В НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ**

НЕЧАЕВ Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор Российского экономического университета (РЭУ) им. Г.В. Плеханова, адрес: 15054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36. e-mail: Nechaevv@mail.ru

ВОЛКОВА Алина Евгеньевна, кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью, Воронежский государственный технический университет, адрес: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84, e-mail: alina-volkova@ro.ru

Аннотация. В условиях глобальных трансформаций, происходящих в мире и отражающихся на этнополитической сфере национальных политий, авторы видят следующую научную и политико-управленческую проблему, а именно обеспечение стабильности и устойчивости политических систем государств в эпоху неурегулированных идентичностей. Тем более при формировании гражданских (государственных) идентичностей в новых политиях на постсоветском пространстве. Опираясь на эволюционную теорию ароморфоза в биологии (А. Н. Северцов, И. И. Шмальгаузен, Л. Ш. Давиташвили) и в обществе (Г. Спенсер, Л. Е. Гринин, А. В. Коротков), авторы статьи представляют парадигму этнополитического ароморфоза, а также парадигмальную теорию трансэтнических переходов ряда этнических групп в новых государствах. В рамках научных подходов примордиализма и конструктивизма, этнизации политики и политизации этничности, а также на основе методов контент-анализа, моделирования политических процессов, гребневого анализа авторы представляют три основные модели этнополитического ароморфоза на постсоветском пространстве: модель идиоадаптации (приспособления, незначительных эволюционных изменений), модель этнополитического катаморфоза, или этнополитической дегенерации, трансэтнического перехода подчиненных групп в другие этнические и гражданские идентичности новых политий, гибридную модель этнополитического ароморфоза, фактически движения от модели идиоадаптации к модели управляемых регрессивных изменений.

Цель статьи – объяснение эволюционного процесса коррекции (мягкая форма) и смены этнических идентичностей (радикальная форма) подчиненных и доминантных этнических групп в новых политиях, которое приводит авторов к выявлению и обоснованию нового типа нациестроительства – этнополитического ароморфоза.

Задачи статьи: 1) обосновать действие парадигмы этнополитического ароморфоза, парадигмальной теории трансэтнических переходов на постсоветском пространстве; 2) представить модели и эффекты этнополитического ароморфоза в новых политиях; 3) обосновать право на существование парадигмы и парадигмальной теории эмпирическими данными и доводами уже существующих этнополитических теорий; 4) увязать процесс этнополитического ароморфоза с императивом обеспечения устойчивости политических систем новых политий, часть из которых логично соотносить с несостоявшимися (несложившимися) государствами.

Ключевые слова: этнополитические процессы, этнизация политики, политизация этничности, нациестроительство, политическая нация, этническая идентичность, гражданская идентичность, этнократии.

Цит.: Нечаев Д.Н., Волкова А.Е. Парадигма этнополитического ароморфоза в нациестроительстве новых государств // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Том 18. – № 5. – С. 142–175.

© Нечаев Д.Н., 2023 г.

© Волкова А.Е., 2023 г.

**PARADIGM OF ETHNOPOLITICAL AROMORPHOSIS
IN NATION BUILDING OF NEW STATES**

NECHAEV D. N., Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov (Russian Federation, Moscow), e-mail: Nechaevv@mail.ru

VOLKOVA A. E., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State Technical University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: alina-volkova@ro.ru

Abstract. In the context of global transformations taking place in the world and affecting the ethno-political sphere of national politics, the authors see the following scientific, political and managerial problem. Namely, ensuring the stability and sustainability of political systems of states in an era of unsettled identities. Moreover, during the formation of civil (state) identities in new polities in the post-Soviet space. Based on the evolutionary theory of aromorphosis in biology (A.N. Severtsov, I.I. Shmalgauzen, L.Sh. Davitashvili) and in society (G. Spencer, L.E. Grinin, A.V. Korotaev), the authors of the article present a paradigm of ethno-political aromorphosis, as well as the paradigmatic theory of transethnic transitions of a number of ethnic groups in new states. Within the framework of this paradigm, the authors present three main models of ethno-political aromorphosis in the post-Soviet space: a model of ideological adaptation (minor evolutionary changes), a model of ethno-political catamorphosis or ethno-political degeneration, a transethnic transition of subordinate groups to other ethnic and civil identities of new polities, a hybrid model of ethno-political aromorphosis, in fact, movements from the model of ideological adaptation to the model of controlled regressive changes.

The purpose of the article is to explain the evolutionary process of correction (soft form) and change of ethnic identities (radical form) of subordinate and dominant ethnic groups in new polities, which leads the authors to the identification and justification of a new type of nation-building - ethno-political aromorphosis.

Objectives of the article: 1) to substantiate the action of the paradigm of ethno-political aromorphosis, the paradigmatic theory of transethnic transitions in the post-Soviet space, 2) to present the models and effects of ethno-political aromorphosis in new polities, 3) to substantiate the right to exist of the paradigm and paradigm theory with empirical data and arguments of already existing ethno-political theories, 4) link the process of ethno-political aromorphosis with the imperative of ensuring the stability of the political systems of new polities, some of which are logically correlated with failed (unformed) states.

Keywords: ethno-political processes, ethnicization of politics, politicization of ethnicity, nation-building, political nation, ethnic identity, civic identity, ethnocracy.

For citations: Nechaev, D. N., Volkova, A. E. (2023) Paradigm of ethno-political aromorphosis in nation building of new states// Central Russian Journal of Social Sciences. –Volume 18, Issue 6. – P.142-175.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность разработки парадигмы этнополитического ароморфоза, парадигмальной теории трансэтнического перехода в новых государствах объясняется наличием задач-головоломок (особой категории проблем, по Т. Куну [20, С.61]), в том числе и в этнополитической сфере, которые невозможно разрешить в рамках сложившихся научных представлений, теорий и парадигм. К примеру, с помощью каких доводов и научных концептов можно объяснить невозможность интеграции курдов в политическую нацию турок в Турецкой Республике, шотландцев в англичан в Великобритании, басков в испанцев в Испании? Вместе с тем эксперты отмечают процесс «поглощения» русских в политическое украинство, интеграции русскоязычных граждан в политическую нацию латышей, литовцев, эстонцев, который, по оценке представителей политических режимов данных государств, проходит достаточно успешно в интересах этнополитической стабильности, устойчивости политических систем, а также правящих этнократий в новых государствах на постсоветском пространстве.

Авторы в русле научного подхода Т. Куну о процессе появления в науке новых парадигм, в рамках которого осуществляется, во-первых, установление значительных фактов, влияющих на появление новых концептов и теорий, во-вторых, корреляция данных фактов (эмпирических данных) с уже имеющимися научными теориями из разных наук, приходят к необходимости представления и обоснования в политической науке парадигмы этнополитического ароморфоза, а также парадигмальной теории трансэтнического перехода, характерных для ряда слабых (эластичных) этнических идентичностей, подчиненных этнических групп в условиях становления политических наций в новых государствах.

Процесс подготовки парадигмы этнополитического ароморфоза и парадигмальной теории трансэтнического перехода для слабых (эластичных) этнических идентичностей в новых политиях основывался на прохождении авторами ряда взаимосвязанных друг с другом периодов. Первый период – мониторинг и политическая диагностика ситуации в новых государствах постсоветского пространства во временном континууме 1990-х и 2000-х годов. Это предусматривало глубокий анализ статистических и иных эмпирических данных в этнополитической сфере стран постсоветского пространства. Второй период – обоснование парадигмы этнополитического ароморфоза, операционализация парадигмальной теории трансэтнических переходов ряда подчиненных групп в новых политиях, поиск оптимальной методологии и

методов исследования и доказывания. Третий период – интерпретация полученных результатов политологического исследования на научных конференциях и форумах.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

При разработке парадигмы этнополитического ароморфоза, парадигмальной теории трансэтнического перехода ряда подчиненных групп в новых государствах постсоветского пространства авторы опирались на научные подходы примордиализма (К. Гирц, П. ванден Берге, Л. Гумилев) и конструктивизма (Б. Андерсон, Р. Брубейкер, В. Тишков, Л. Дробижева), эволюционной теории в отношении биологических и социальных организмов (ароморфоз), теорий этнополитического выбора и нациестроительства, научных концептов: этнизации политики и политизации этничности, наличия подчиненных и доминантных этнических групп, «плавильного котла наций», неурегулированных идентичностей и трансэтнических переходов (Р. Брубейкер).

Основными методами при подготовке статьи стали: структурно-функциональный метод, методы контент-анализа и моделирования политических процессов, метод гребневого анализа Г. Гарфинкеля, содействующего раскрытию завуалированных смыслов и мотивации в действиях государственных и негосударственных институтов, поддержания политического порядка в политиях через смысловые конструкции [11, С. 110].

Ароморфоз: эволюционная теория

Саму дефиницию ароморфоза как целесообразной реакции на раздражения, исходящие от измененных условий среды [37, С.88], в рамках биологического организма исследовал отечественный исследователь-биолог А. Н. Северцов. В рамках морфологических закономерностей эволюции биологических организмов данный исследователь обосновал прогрессивное изменение их строений, расширение их возможностей, связанных с трансформацией жизненных условий. Данные изменения, по оценке А. Н. Северцова, дают данным организмам новые преимущества в жизнедеятельности. Важна также и типология российского ученого-биолога, которую логично перенести и на социальные организмы, и, на наш взгляд, на политические организмы.

С одной стороны, это идиоадаптационная модель эволюционного процесса, означающая незначительные трансформации в рамках приспособления к новым реалиям. С другой стороны, это модель катаморфоза эволюционного процесса, а именно процесса регрессивных изменений, системной дегенерации организмов. Данная исследовательская линия А. Н. Северцова была продолжена в работах отечественного уче-

ного И. И. Шмальгаузена, который акцентировал внимание в своих работах на наследственности и изменчивости эволюционного процесса организмов [45, С.14]. Советский исследователь-биолог Л. Ш. Давиташвили так же, как и А. Н. Северцов и И. И. Шмальгаузен, под ароморфозом понимал эволюционный прогресс – процесс движения, развитие организмов от низшего к высшим в ракурсе общего повышения функционирования организаций [16, С.8].

Британский социолог-дарвинист Г. Спенсер, проводивший параллели между биологическими и социальными организмами, в своих политических опытах в эволюции и прогрессе видит телеологическое объяснение с точки зрения целевых и конечных (результативных) причин. В частности, прогресс Г. Спенсер понимает как процесс простого возрастания (если речь идет о народах) численности этого народа и пространства его расселения [38, С.7]. Норвежский политолог Х. Эйдхейм в эволюционных этнополитических процессах также видит биологическое и социальное измерение и выделяет феномен социальных стигматов в этнических идентичностях. По его мнению, этнические группы – это некие социальные категории, дающие базовую основу для приписывания им определенного статуса. При этом этническая идентичность представляет собой важный маркер в отношениях между людьми, владеющими как контрастными, так и близкими идентичностями [46, С.50].

Отечественные исследователи Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев считают не только возможным сопоставление социальных и биологических организмов, но и выделение в процессах эволюции данных организмов общих закономерностей. В частности, эти исследователи доказывают, что «социальный организм» представляет собой синоним одного из семантических обозначений дефиниции «общество» как отдельной политически независимой системы [12, С.9]. В биологической же науке категория «организм» обладает двумя значениями: 1) особь или индивид; 2) некоторый тип организации.

Приведенные цитируемые нами исследователи показывают, во-первых, возможность результативного применения дефиниции ароморфоза в социальных науках (социологии, политологии) в ракурсе эволюционных процессов, во-вторых, рассмотреть ароморфозные изменения в русле неких инновационных процессов в трансформации социально-политических организмов и социально-политических систем. При этом авторы научной статьи отмечают, что инновации могут быть позитивными или негативными с точки зрения устойчивости и стабильности социально-политических систем конкретных государств. В особенности новых политий (государств), учрежденных относительно-

но недавно и, как правило, не имеющих исторических традиций государственности. К примеру, когда этносы идут к учреждению собственных политий или собственных институтов внутри уже существующих государств [47, С.197]. В данном разрезе, как подмечают исследователи Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев, социальный ароморфоз логично понимать и как универсальные изменения, и как инновации в развитии организмов (конструктов). И эти изменения влияют на приспособляемость и интегрированность элементов в некую общую систему, способствующую развитию надобщественных систем разного уровня [11, С.8].

Эмпирические данные, постановка проблемы и гипотез научного исследования

Сецессия национальных окраин бывшего СССР с учреждением 15 новых политий на постсоветском пространстве сформировали как минимум две ключевые этнополитические тенденции. Первая тенденция – это активизация процесса нациестроительства, предполагающего формирование политической нации новых государств на основе титульной этнической группы (14 постсоветских республик) и нового конструкта «россияне» в Российской Федерации. Вторая тенденция предполагала «расщепление» и «растворение» русских как значительной этнической группы в новых гражданских идентичностях и даже этнических идентичностях титульных этносов учрежденных политий. При этом государственная политика нациестроительства всех 15 государств опиралась на существенный сегмент русофобии (даже в России) и на разрыв с мемориальной культурой [2, С.15] исторической России, скреплявшей общую историю.

В данном разрезе важно отметить, что на момент распада СССР доля русского населения составляла 50,8 % от общего количества населения в 286 млн 731 тыс. человек [27, С.8], проживавших на территории Советского Союза (украинцы – 15,5 %, узбеки – 5,8 %, белорусы – 3,5 %, казахи – 2,8 %, азербайджанцы – 2,4 %, армяне – 1,6 %, таджики – 1,5 %, грузины – 1,4 %, прочие – 12,4 %). При этом, к примеру, в СССР этническая идентичность русских была в большей мере, чем другие этнические группы национальных окраин, растворена в этнополитическом конструкте – новой исторической общности «советский народ». Так что для процесса нациестроительства в новых государствах имелись исторические основания и практики, которые легли в основу модели нациестроительства, которой мы даем название этнополитического ароморфоза, а конкретным практикам «расщепления» и «растворе-

ния» русских на постсоветском пространстве – осуществления трансэтнического перехода, на основе анализа которых мы формулируем соответствующую парадигмальную теорию.

Дефиниция постсоветского пространства, как отмечают политологи А. В. Торкунов и А. В. Мальгин, представляет собой определенное географическое пространство, включающее в себя территорию новых государств, входивших в состав бывшего СССР на положении союзных республик [1]. Как мы считаем, для новых политий постсоветского пространства свойственен ряд общих черт. Российский политолог Г. М. Михалева выделяет часть из них: общее прошлое в составе Российской империи до 1918 года, общее проживание в СССР в рамках новой исторической общности «советский народ» [26, С. 191]. В русле данного логического подхода авторы рассматривают еще одну из общих черт, когда политическая власть новых государств, как правило, пытается «переплавить» подчиненные этнические группы в «малых плавильных котлах», оставляя в неизменном виде титульные нации. Данный процесс не настолько характерен для Российской Федерации в силу ее особого кейса. Однако общий политико-управленческий тренд в сторону достаточно радикального этнополитического ароморфоза очевиден.

Научная проблема, которую ставят авторы в представленном исследовании, состоит в следующей дихотомии. Что в большей мере отвечает условиям этнополитической стабильности и устойчивости политических систем учрежденных (новых) государств на постсоветском пространстве?

Вариант первый: жесткое ли поглощение в современных условиях подчиненных этнических групп титульными этносами в рамках процесса становления гражданской идентичности политий и укрепления этнической идентичности титульных наций? Как это, например, происходит на Украине, в республиках Прибалтики, в Молдавии, Казахстане, Грузии, где становление гражданской идентичности «вшито» в процесс укрепления этнической идентичности титульной нации в русле примордиализма. При этом именно в рамках данного процесса осуществляется «переплавка» этнических меньшинств в конструкт доминантной этнической группы.

Вариант второй: логичным и обоснованным ли выглядит процесс формирования надэтнического конструкта новой гражданской идентичности, например, россиян в РФ, в рамках которой происходит «переплавка» титульной нации (в большей мере) и малочисленных этнических групп (в меньшей мере) в русле научного подхода конструкти-

визма? Тем более с учетом того, что эксперимент с формированием новой исторической общности «советский народ» в научном и экспертном сообществе признан неудавшимся и вредным с точки зрения сохранения этнополитической стабильности и обеспечения устойчивости политической системы СССР.

Формулируя данную научную проблему, авторы подчеркивают, что на процесс нациестроительства, который имеет разные типы (например, «плавильный котел наций»), влияют не только внутренние, но и внешние факторы. Значительную роль в данном аспекте, на наш взгляд, играют внешнеполитические акторы (сверхдержавы, великие державы), которые оказывают воздействие на правящие элиты новых государств в ракурсе своей внешней политики. В этой связи закономерной выглядит постановка вопроса: может ли и должна ли современная Россия влиять на процесс нациестроительства в государствах постсоветского пространства с учетом того, что на территории 14 политий существуют русские диаспоры?

В рамках поставленной научной проблемы имеют свое значение и **ключевые гипотезы исследования.**

Гипотеза 1. В качестве предположения авторы представляют тезис, согласно которому процесс распада крупных государств в мире на относительно крупные, средние и малые государства инициирует не только этнополитические конфликты между ними (постюгославский и постсоветские кейсы), но и вызывает к жизни центростремительные изменения в становлении политических наций в новых государствах. Это процесс ускоренного (как правило, предельно жесткого и даже «кровавого») конструирования политических наций из числа титульных этносов и «переплавки» подчиненных этнических групп.

Гипотеза 2. В ракурсе анализа этнополитических проблем авторы выдвигают гипотезу, согласно которой процесс нациестроительства, становления государства-нации в новых государствах на постсоветском пространстве оказался гораздо более сложным для постимперской политики, какой являлась современная Российская Федерация, чем для ее окраинных фрагментов (Узбекистан, Азербайджан, Белоруссия и Прибалтийские республики). И этом отношении доминирующим типом нациестроительства на постсоветском пространстве авторы логично и обоснованно считают этнополитический ароморфоз в рамках трех выделенных авторами моделей (об этом речь пойдет ниже).

Гипотеза 3. В ракурсе предположения авторы выдвигают тезис о том, что доминантные этнические группы в новых государствах (титульные нации), как правило, заинтересованы в «переплавке» этниче-

ских меньшинств, а подчиненные этнические группы обладают – и это надо признать – разными мотивациями и разными способностями к интеграции в новые этнические и гражданские идентичности. В этом отношении в русле парадигмы этнополитического ароморфоза логично выделять, как это и подчеркивал Р. Брубейкер, эластичные (мягкие, слабые) этнические идентичности, к примеру, русская идентичность, проявляющая договорный интеракционизм с правящими элитами (этнократиями) и консенсусное вхождение в новые идентичности, и жесткие идентичности, сопротивляющиеся данному процессу.

Гипотеза 4. В качестве предположения авторы формулируют тезис, согласно которому конкретная модель этнополитического ароморфоза в постсоветском пространстве, модель идиоадаптации, модель катаморфоза, гибридная модель зависят от нацеленности государственных институций, самих этнических групп, внешних акторов реагировать на вызовы политической системы и политических режимов со стороны определенных этнических групп в новых государствах. Авторы и в том и в другом случае подчеркивают особое значение института государства, который предстает как значимый агент процесса коррекции, смены этнических идентичностей и конструирования новых гражданских идентичностей.

Этнические идентичности и этнические приоритеты в эпоху неурегулированных идентичностей

Профессора из США Р. Брубейкер и Ф. Купер рассматривают идентичности с точки зрения эволюционного процесса. И в рамках концептуальной и объяснительной нагрузки к данной дефиниции они определяют многозначность аналитического концепта «идентичность». В структуре этого концепта они видят несколько составляющих: 1) самость; 2) базисную основу этносов для политической и социальной активности; 3) определенное тождество членов этнической группы. Однако для нас важным маркером в осмыслении Р. Брубейкером и Ф. Купером идентичности является, с одной стороны, эволюционный и интерактивный процесс развития коллективной самости, этнической солидарности, за которыми стоит коллективное действие, с другой стороны, это то, что идентичность логично рассматривается как непрочный и недолговечный продукт многоаспектных конкурентных дискурсов [8, С. 141].

Шведский политолог и социолог Й. Терборн, исследуя типы идентичностей, подчеркивал, что национальные идентичности выступают частью общего поля «инаковости», которая отделяет «нас» от «них». И

у данного аспекта, полагает он, имеются довольно старые корни [40, С.37]. Профессор Калифорнийского университета Р. Брубейкер в работе «Этничность без групп» типологизирует идентичности, их имплементацию в этнополитические практики. С одной стороны, данный исследователь выделяет слабую, или мягкую, идентичность, характеризуя ее как фрагментарную, эластичную, нестабильную, случайную, текучую, «договорную» идентичность. С другой стороны, Р. Брубейкер также отмечает и сильную, или жесткую, идентичность, которая навязывается агентами, производящими идентификацию. Одним из таких агентов является государство, вычленяет свой тезис профессор Р. Брубейкер, которое предстает перед нами как важнейший агент процесса идентификации, осуществляемого в современных политиях [7, С. 91].

В рамках проведенного авторами факторного анализа процесса этнополитического ароморфоза на его эффекты, помимо государства, влияют следующие аспекты: степень репрессивности политического режима, внешнеполитические акторы (крупные государства), заинтересованные в мягком или жестком варианте нациестроительства, степень этнополитической стабильности в обществе и устойчивости политических систем в новых государствах. Кроме того, это тип идентичности подчиненных групп (эластичный или жесткий), фактор наличия этнократии, задействование политической мифологии в символической политике национальных политий.

В период с 1980-х годов, считает американский политолог М. Манн, эксперты наблюдали в ряде национальных государств мира неолиберальные и транснациональные превращения [21, С. 384]. Речь идет, в интерпретации М. Манна, о смене идентичностей у ряда этнических групп. Профессор Бостонского университета Л. Гринфельд уверена в том, что процесс изменения идентичности должен в том или ином случае происходить в интересах тех групп, которые эту идентичность импортировали. Кроме того, старту данного процесса предшествует неудовлетворенность этих групп тем типом идентичности, которым они обладали ранее. Кроме того, подчеркивает Л. Гринфельд, смену идентичности сначала обуславливает ее кризис [14, С.19].

В своей новой работе Р. Брубейкер новаторски подходит к анализу двух научных аспектов. Во-первых, концепта неурегулированных идентичностей, в том числе и в ракурсе расово-этнических теорий. Во-вторых, процесса трансперехода как процесса проникновения гендера или расы на чужую территорию, как перехода этих феноменов (гендера и расы) из одной устоявшейся категории в другую [49]. Опираясь на

вышеизложенные теории в русле этнополитологии, авторы формулируют понятие трансэтнического перехода одних этносов в другие этнические и гражданские идентичности, рассматривая его (переход) как радикальный формат в парадигме этнополитического ароморфоза. И данный переход, как мы полагаем, во многом базируется на утверждении ряда этнополитологов, в том числе и К. Калхуна, что нации – это не вечные сущности [17, С. 75].

В представляемой нами парадигмы этнополитического ароморфоза, парадигмальной теории трансэтнических переходов важное значение имеет и фактор изменений для этнических групп. Как отмечает исследователь А. А. Налчаджян, можно выделить два направления таких изменений: 1) прогрессивное развитие этносов в эпоху модерна и постмодерна; 2) регрессия в различных ее вариациях: разложения, ассимиляции этнических меньшинств, исчезновения этнических групп [28, С. 44]. Особенно этот научный подход важен для понимания этнополитических процессов новых государств на пространстве бывшего СССР. Мы полагаем, что процесс ассимиляции этнических меньшинств в сложившиеся идентичности и катаморфоз близки по наличию ряда компонентов, но эти процессы, как мы полагаем, не тождественны. Катаморфоз как одна из моделей этнополитического ароморфоза представляет собой достаточно жесткий формат зачистки прежней этнической идентичности, приводящий к дегенерации подчиненных этнических групп. Один из таких примеров – положение русских в Латвии, Литве, Эстонии.

Особенности процесса нациестроительства на постсоветском пространстве

Для любого из государств, в том числе и для новых политий из бывших республик СССР, крайне важно быть не только сложившимся и состоятельным государством, но и нацией. Поскольку без статуса государства-нации каждая полития оказывается, по мнению И. Валлерстайна, вне игры на международной арене [9, С. 92]. А это, в свою очередь, связано с понижением статуса (ранга) страны в международной иерархии. Кроме того, статус нации-государства влияет и на укрепление государственной состоятельности. В пятимерном концепте государственной состоятельности А. Ю. Мельвиля [25, С.10] (внутриполитический порядок, легитимность элит и власти, эффективное управление, производство условий для развития, включая нациестроительство, внешняя безопасность). Nation-building является скрепляющим конструктом государственной состоятельности.

Вследствие этого одним из приоритетов политического развития государства является нациестроительство (nation-building). При этом успешное нациестроительство, в особенности в новых государствах постсоветского пространства, выступает необходимым условием государственной состоятельности. Нациестроительство, на наш взгляд, стоит определить как сочетание этнического фактора, в частности национализма, сопряженного с политическими ценностями государства, разделяемыми большинством населения политики. Отечественный политолог С. Каспэ в nation-building видит ценностное измерение титульных наций и подчиненных этнических групп в конфигурации с рядом компонентов: 1) с политическим компонентом, а именно с функционированием институтов; 2) с правовым компонентом, опирающимся на конституционный дизайн; 3) с внешнеполитическим компонентом, а именно с признанием новых политий [19, С. 15]. Таким образом, нациестроительство в новых государствах постсоветского пространства представляет собой национализм, или национальный патриотизм, по Э. Хобсбауму [42, С.74], как формат конструирования новых коллективных этнических идентичностей, основательно «вшитый» в рамки формальных и неформальных политических институтов.

Попробуем перефразировать вышесказанное: нациестроительство – это этнополитический процесс, отражающийся в различных формах эволюции этнической и гражданской идентичностей. Отечественный политолог Е. М. Астафьева в нациестроительстве выделяет процессы следующих типов: 1) ассимиляция; 2) дивергенция; 3) инкорпорация; 4) консолидация; 5) мультикультурализм [3, С. 54]. В последнем случае речь идет: 1) о небезконфликтном сосуществовании наций и этнических групп в одной политике; 2) о преодолении исторических проблем, связанных с аборигенным населением; 3) о «переваривании» мигрантов в век миграции, кардинально меняющем общества. Миграции, порождающей для государств и большие надежды, и очень глубокие страхи [18, С. 95], одновременно. В последнем случае миграция представляет собой серьезный вызов и угрозы для новых государств постсоветского пространства, в особенности для Российской Федерации, в незавершенном процессе нациестроительства, на который необходимо дать адекватный ответ системе «вызов – ответ».

В нашем исследовании стоит подчеркнуть, что разные государства, как «старые», так и новые, прошли через свои типы нациестроительства. Для Германии нациестроительство – это процесс становления немецкой культурной идентичности, для Французской Республики Nation-Building – это обретение населением страны, как коренным, так и

пришлым, гражданственности Франции, для США – американский «плавильный котел» наций. В последнем случае мы имеем дело с плавильным тиглем как ускоренным процессом американизации иммигрантов и национальных меньшинств. Разумеется, в сочетании с англоконформизмом и «культурным плюрализмом» [43, С. 47]. Как отмечает российский исследователь А. Ю. Соломатин, до начала 1930-х годов знаменитый американский плавильный тигель справлялся со своей задачей, адаптируя этносы к социокультурной модели поведения англоязычных протестантов [47, С.44].

Однако в 1990-е и в 2000-е годы данный механизм «плавки» разнородных этносов в единую американскую нацию перестал эффективно «переплавлять» этнические идентичности, в особенности современных мигрантов, уступив место модели мультикультурализма. Мультикультурализм в США, как отмечает отечественный исследователь О. О. Медведева, представляет собой концепт и политико-управленческие практики, имеющие в своей основе развитие общества в виде открытой социокультурной системы, не обремененной историческими традициями и укорененными в социум шаблонами (паттернами) [29, С. 41]. То есть речь в такой системе уже не идет о сохранении этнополитического баланса в стране, о доминантном этнополитическом ядре (англоконформизме).

Что касается Российской Федерации, то процесс нациестроительства, как нам представляется, пока не нашел ни эффективного этнополитического механизма, ни должного определения данного процесса или правдоподобной метафоры, коррелирующих со сложными взаимоотношениями федерального центра с этнорегиональными территориями (ЭРТ), с практически неконтролируемыми миграционными процессами в стране. Разумеется, не коррелируется данный процесс и с постимперскими рефлексиями ряда этнических меньшинств в РФ, неохотно принимающих новый конструкт гражданской идентичности «россияне», помнящих о фиаско новой исторической общности «советский народ», не расставаясь при этом со своим типом этнической идентичности.

Вместе с тем одной из наиболее употребительных отечественных моделей nation-building в научном дискурсе называется «российская симфоническая общность». На данную модель обращает внимание отечественный политолог В. Э. Багдасарян, пытаясь увидеть в этом сам процесс нациестроительства в сочетании с инкорпорированием традиционных ценностей в ментальность этнических групп РФ в ракурсе примордиальной традиции [5, С. 46]. На наш взгляд, данная модель

нациестроительства является и крайне неудачной политической метафорой в научном дискурсе, и крайне неэффективным примером прикладных политико-управленческих практик.

Во-первых, метафору «российская симфоническая общность» скорее стоит рассматривать как некий идеал сотрудничества этнических групп в одной политике. Во-вторых, представленная модель-метафора не отражает всей сложности происходящих этнополитических процессов в современной России. В особенности «пераплавки» мигрантов, представляющих собой иную цивилизационную и этноконфессиональную идентичность.

К сложным процессам нациестроительства через призму государственной этноконфессиональной политики обращался и отечественный социолог и политолог Э. Паин. Не называя и не выделяя конкретной модели Nation-Building, Э. Паин предложил в научном дискурсе типы этнических процессов и государственной этноконфессиональной политики в данной сфере. Однако данный исследователь предложил свою метафору для объяснения этнополитических процессов с участием института государства. И эта оценка дана в ракурсе метафоры «этнополитический маятник» [31, С. 178]. У данного автора первый цикл был сопряжен с активизацией этнических меньшинств (1990-е годы), получивших свои выгоды. Второй цикл – с активизацией этнического большинства (русских) в 2000-х годах. При этом, рассматривая модель «маятника», он выделял его значимые компоненты: этнополитические идеи, общественные настроения и этнополитические стратегии.

Ключевые маркеры этнополитического ароморфоза в новых государствах постсоветского пространства: определение сущностей

Действия и эффекты государственной национальной политики сформировавшихся политических режимов в новых государствах на пространстве бывшего СССР, часть из которых логично обозначить как авторитарные этнократии или гибридные режимы сомнительной демократии, определяются рядом этнополитических маркеров. Одним из таких маркеров является этническая идентичность, готовность подчиненных этнических групп либо к незначительным приспособлениям к формирующимся политическим нациям, либо к смене (трансэтническому переходу) в иную этническую или гражданскую идентичность.

В объяснении этнополитической проблематики новых государств на постсоветском пространстве авторы опираются на концепты этнизации политики по Д. Ротшильду [51] и политизации этничности

(Д. Хоровиц [50]). В ракурсе этнизации политики имеет смысл обратиться к роли национальных движений, а также основанных по этническому признаку партий. Данные политические акторы получают поддержку от легко идентифицируемых этнических групп в слабом государстве и служат интересам этих групп. И именно национальные движения, такие как «Саюдис» в Литве, «Круглый стол – Свободная Грузия», «Рух Украины», в позднем СССР стали доминирующим фактором сецессии Советского Союза, в результате распада которого возникли новые политии на постсоветском пространстве. В итоге этноцентризм общественных движений и партий, включая коллективизм, обращенный вовнутрь группы, в противопоставлении другим аналогичным группам стал знаковой националистической альтернативой в учреждении новых государств и в становлении политических наций [44].

Концепт политизации этничности предполагает мобилизацию этничности, превращение ее в серьезную политическую силу для укорененности специфических форматов неравенства этнических групп в распределении политических ресурсов. Отечественный политолог В. А. Ачкасов рассматривает данный вид неравенства и этнополитический конфликт как определенный результат политизации этничности. При этом он отмечает, что этнический фаворитизм является базовой основой не только процесса формирования этнической идентичности, но и этнического неравенства и этнического конфликта [4, С. 57].

Особым маркером, влияющим на модели и эффекты этнополитического ароморфоза, на постсоветском пространстве является идентичность русских, которая была цементирующей этнической основой исторической России (Российской империи, СССР). И это вполне объяснимо. Учреждение политическими элитами национальных окраин новых государств выявило проблему русской идентичности как препятствия на пути становления политических наций украинцев на Украине, латышей, эстонцев, литовцев в Прибалтике, казахов в Казахстане и т. д. Что еще важно: этническая идентичность русских в России в 1990-х годах стала серьезной проблемой для либерального политического режима в РФ в разрезе становления политической нации россиян, для защиты русских в 14 новых государствах на пространстве бывшего СССР.

Вследствие этого на постсоветском пространстве активно заработали малые «плавильные котлы» наций, которые предусматривали три основные формы «переплавки» русских: 1) полная «переплавка»,

спряженная с этническими чистками в рамках языковой и культурной политики (прибалтийский кейс); 2) полновесное «растворение» русских в титульных этнонациях, в этнической идентичности (украинский, молдово-румынский кейсы); 3) долговременное и «мягкое» расщепление русских, их «растворение» в государственных (гражданских) идентичностях. И в данном случае мы ведем речь о модели этнополитического ароморфоза как типа нациестроительства, который авторы вводят в научный политологический дискурс. При этом в первых случаях речь идет не об ассимиляции, а о модели катаморфоза, связанного с трансэтническими переходами при наличии мягкой, эластичной идентичности русских и жесткой государственной этнонациональной политики прибалтийских этнократий, недемократических режимов на Украине и в Молдавии.

Во втором случае мы наблюдаем модель идиоадаптации в русле этнополитического ароморфоза, об этнополитическом склонении русских в новых политиях к их мягкому приспособлению к новым условиям становления политической нации и строительства множества наций-государств на постсоветском пространстве. Данные процессы можно отмечать не только, к примеру, в Казахстане. «Мягкое» расщепление русских, их «растворение» в государственной (гражданской) идентичности «россияне» мы наблюдаем и в России. При этом еще в 2013 году «россиянами», согласно данным Министерства регионального развития РФ, готовы были стать не более 45 % населения, в основном русские¹. Представители этнических меньшинств в РФ к этому не были готовы, они имели желание сохранять свою этническую идентичность, оставаясь гражданами страны. И данный политико-управленческий тренд свидетельствует о невосприимчивости и ошибочности продвижения в публичном пространстве искусственного конструкта «россияне».

Анализ излагаемых авторами проблем в рамках основного концепта исследования (неурегулированных идентичностей) и вспомогательных концептов (этнизации политики и политизации этничности, малых «плавильных котлов» наций, состоятельности новых государств на постсоветском пространстве) позволяют нам сформулировать определение этнополитического ароморфоза.

Под этнополитическим ароморфозом мы понимаем процесс трансформации этнических идентичностей как эволюционного, в

¹ Меньше половины сограждан считают себя частью новой общегражданской нации // ИА Амтел. 2013. 1 июля. – URL: <https://www.amic.ru/news/politika/menee-poloviny-sograzhdan-schitayut-sebya-chastyu-novoy-obschegrazhdanskoy-nacii> (дата обращения: 28.11.2023).

виде идиоадаптации подчиненных этнических групп доминирующим группам и этнократиям, так и радикальных трансформаций в ракурсе трансэтнических переходов (транзитов). В первом случае процесс этнополитического ароморфоза завершается незначительными приспособлениями подчиненных групп к ценностям, смыслам и символам титульной нации в конкретной политике. Во втором случае мы констатируем регрессивные изменения, или катаморфоз, подчиненных групп. В политико-управленческих практиках это означает этнополитическую дегенерацию ряда подчиненных групп, с приобретением подчиненными группами новых этнополитических черт, которыми они не обладали ранее.

Данная парадигма позволяет нам предложить в научный политологический дискурс и три модели этнополитического ароморфоза.

Первая модель – это модель идиоадаптации (приспособления, незначительных эволюционных изменений) подчиненных этнических групп к политическому порядку, формируемому государством либо государством с титульными нациями. Вторая модель – это модель этнополитического катаморфоза, или этнополитической дегенерации, трансэтнического перехода подчиненных групп в другие этнические и гражданские идентичности в условиях репрессивной толерантности государства, правящих этнократий в новых политиях. Авторы считают также возможным выделение и третьей модели (гибридной модели этнополитического ароморфоза), фактически движения от модели идиоадаптации к модели управляемых регрессивных изменений в положении подчиненных этнических групп.

В рамках парадигмы этнополитического ароморфоза мы формулируем и сущность парадигмальной теории трансэтнических переходов, которые характерны в первую очередь в условиях становления новых государств (в нашем случае на постсоветском пространстве). И ее (теорию) логично выстроить в следующем ключе: в учрежденных политиях на постсоветском пространстве, многие из которых являются «слабыми» государствами (в оценках Ч. Тилли [39, С. 197]) или испытывают трудности с точки зрения состоятельности, правящими элитами, как правило, сознательно формируются сложные условия для подчиненных этнических групп (для их языка, культуры, этнических традиций, образования). Для новых политий это одна из немногих возможностей сохранения этнополитической стабильности и устойчивости политических систем, воспроизводства власти правящих элит, по сути являющихся этнократиями.

В русле представляемой нами парадигмальной теории стоит подчеркнуть, что для подчиненных этнических групп по отношению к доминантным этническим группам (титულным нациям) в новых государствах всегда характерен принципиальный этнополитический выбор с формированием двух поведенческих линий. С одной стороны, проявить эластичность и осуществить трансэтнический переход в гражданскую (государственную) идентичность или принять этническую идентичность титульной нации. Например, быть этническим русским на Украине и объявить себя украинцем, притом что процесс формирования этнической и гражданской идентичности украинцев, по нашему мнению, не является завершенным. А, следовательно, эти типы идентичности представляют собой неурегулированные идентичности. С другой стороны, не менять свою этническую идентичность, формируя легальное сопротивление процессу этнополитического аншлюса титульными нациями в отношении подчиненных этнических групп. Пример – русские в Приднестровье Молдавии. В последнем случае не стоит исключать зарождение и развитие этнополитических конфликтов в новых государствах как реакцию на жесткую государственную этноконфессиональную политику, опирающуюся, как правило, на ряд этнополитических технологий.

Среди этих технологий авторы выделяют технологии этнополитической архитектоники, в рамках которой стоит задача проектирования общенационального «здания» в новых политиях из составных частей, которые должны образовать стройное целое, разумеется, в этническом и гражданском (государственном) смысле. А также технологии этнополитической инженерии, представляющей собой практическое построение этнополитического организма в нациестроительстве, желаемого этнического и гражданского будущего в интересах правящих элит и, как правило, титульных наций с их этнократиями. Данный процесс построения этнополитического организма политики может происходить в формате «переплавки» подчиненных этнических групп в «малых плавильных котлах» наций новых политий.

Анализ кейсов новых государств в русле парадигмы этнополитического ароморфоза: подтверждение гипотез

Рассматривая **украинский кейс**, нам логично обратиться к теории профессора политической философии из Франции Э. Балибара. В своих работах он выделяет вымышленную этничность в смысле ее спорного институционального эффекта и эффекта «выработки» идентичности, которой он противопоставляет идеальную нацию [6, С. 112]. При этом

под вымышленной этничностью Э. Балибар понимает общность, учреждаемую национальной политией. Категорию «вымысла» (fiction) политический философ сопоставляет с юридической традицией *persona ficta* («условная личность»). Вследствие этого логично предположить, что политическая нация украинцев – это вымышленная идентичность. Поэтому процесс становления политического украинства и нациестроительства проводится жесткой рукой государственных институций, с использованием институтов образования, культуры, в рамках языковой, конфессиональной политики, задействованием технологий «репрессивной толерантности» Г. Маркузе [23, С. 100]. В определенной мере с учетом военного конфликта в Донбассе в 2014–2022 гг. обоснованно говорить в рамках теории Б. Барбера о кровавой идентичности джихада [48], что мы имеем дело и со становлением усилиями политического режима кровавой идентичности украинцев.

Одна из причин ускоренного формирования украинской политической нации, которая может составлять базовую основу украинского государства, состоит не только в вымышленной идентичности украинцев в русле теории Э. Балибара, но и связана со случайностью и искусственностью украинской политики. Данная версия авторов достаточно логично совпадает с концептом «этническая химера» и антисистемы отечественного историка и этнополитолога Л. Гумилева. В рамках данного концепта Л. Гумилев исследовал государственное образование Хазарский каганат, который имел особый хозяйственный уклад, с сосуществованием этнических субстратов в едином суперэтнотипе и импортом пассионарности, которые позволили данной политике институционализировать этническое разнообразие в некую социальную систему [15, С. 237]. Но это не означало прочность данного государства.

Разумеется, процесс распада крупных государств в мире, как в случае с СССР, инициирует не только этнополитические конфликты между отколовшимися частями, но и вызывает к жизни центростремительные изменения в становлении политических наций в новых государствах. В качестве подтверждения гипотезы 1 мы утверждаем, что этнополитический ароморфоз, выступающий катализатором пробуждения энергетики титульных наций, доминантных этнических групп над подчиненными этногруппами (и необязательно только над этническими меньшинствами), ведет либо к усилению государственной состоятельности новых политий (в случае продуманного и системного продвижения данной концепции в политические практики), либо к категории Failed States (в случае навязывания новой идентичности радикальными и хаотичными способами) с тремя вариациями по

О. Б. Подвинцеву [34, С. 203], а именно: к слабым государствам, к деградирующим политиям, фактически не справляющимся со своими внутривнутриполитическими и внешнеполитическими функциями, к разваливающимся или несостоявшимся государствам.

В первом случае (слабые государства) на постсоветском пространстве мы имеем в виду кейс Армении, во втором случае (деградирующие политии) мы можем вести дискурс о Молдавии. Пример разваливающегося или несостоявшегося государства – Украина.

Процесс нациестроительства и становление политической нации украинцев стоит рассматривать как две части единого целого. Замедление или неудача в реализации данных целей со стороны правящих элит логично может привести сначала к государственной несостоятельности, а затем к демонтажу политии вне зависимости от того, какие факторы – внутренние или внешние – будут определять политические перспективы данного государства. Кроме того, причины процесса нациестроительства и «переплавки» трех основных этнических групп на Украине (малороссов как титульной нации, русских и галичан) в политическую нацию украинцев могут состоять в следующем. Малороссийские элиты, как отмечает историк США Н. И. Ульянов (1904–1985), никогда не стремились к суверенитету. Их главной целью в ракурсе украинского сепаратизма всегда были экономические притязания [41, С. 20]. Вследствие этого суть украинского сепаратизма состояла в лавировании между сильными соседями.

К этому доводу о бесперспективности украинского нациестроительства в среднесрочной и долгосрочной перспективе стоит добавить еще два аргумента. Во-первых, о наличии вымышленной украинской этнической идентичности в ракурсе подхода Э. Балибара, которая (идентичность) является непрочным конструктом и которая поддерживается репрессивным политическим режимом на Украине, внешнеполитическими акторами, заинтересованными в существовании украинского государства как противовеса РФ (проект «Анти-Россия»). Во-вторых, об отсутствии влиятельной и скрепляющей малороссийской этнократии. Феноменологию этнократии российский социолог Ж. Т. Тощенко видел в концентрации власти в руках доминантной этнонациональной группы, которая занимает главенствующее положение во власти и использует властно-политический ресурс в интересах этой группы. Немаловажным для функционирования новых политий является и этнический фаворитизм, который, по мнению Т. Ванханена, является притязанием титульной нации в условиях борьбы за постоянно ограниченные ресурсы [10, С. 27].

Вместе с тем авторы прогнозируют, что, к примеру, трансэтнический переход русских в политическое украинство может оказаться не успешным либо по мере «угасания» государства Украина, либо в силу существенного сокращения территории данной политики. Авторы также не исключают и обратный процесс возвращения русскими на постукраинском пространстве своей исходной этнической идентичности.

Российские исследователи А. П. Садохин и Т. Г. Грушевицкая [36] в своей работе выделили четыре типа идентичностей, в том числе нормальную идентичность без пассионарности, этническую индифферентность, этнонигилизм в формате явного космополитизма, а также амбивалентную, то есть явно не выраженную, этничность. Данные типы идентичности характерны для русских как в России, так и в новых государствах постсоветского пространства. Однако ряд типов идентичности, выделенных данными авторами, таких как этноцентрическая идентичность, этнодоминантная идентичность, а также этнический фанатизм, сопровождается готовностью правящих элит новых политий идти на любые жертвы в интересах этнического фаворитизма. Данную линию в политических стратегиях логично отнести к политическим деструкциям. И эти политико-управленческие практики характерны для большинства новых государств на постсоветском пространстве.

Для сложившихся государств-наций, к числу которых мы относим и Российскую Федерацию (**российский кейс**), государственно-политическое и этнонациональное чаще всего совпадают, могут дополнять друг друга, зачастую представляют единое целое (холизм). Вместе с тем, как полагает российский политолог С. П. Перегудов, в современной полиэтнической РФ данные два типа идентичности накладываются друг на друга, противоречат сами себе. С. П. Перегудов акцентирует внимание и на том, что мы имеем дело с одной государственной (общегражданской) идентичностью и с множеством (193 этнические группы) национально-этнических идентичностей, что формирует сложную и неоднозначную проблему в сложившемся государстве-нации [33, С.143].

В рамках нашей гипотезы мы предположили, что процесс нациестроительства в новых государствах на постсоветском пространстве оказался гораздо более сложным для постимперской политики (Российской Федерации), чем для ее национальных окраин.

Данный феномен, который имеет место в России, политолог из США А. Лейпхардт называет полиэтнической демократией [51]. Это обозначение независимой, суверенной политической системы, в рамках кото-

рой функционирующие демократические институты принимают решения при наличии нескольких этнических групп. Для полиэтнической демократии, как считает А. Лейпхардт, характерны четыре критерия (признака). Из них два считаются основными (широкая автономия этнических территорий, представительство значительных групп во власти), что имеет место в постсоветской России. Два остальных признака являются вторичными. Это пропорциональность этногрупп во власти и право вето этнических групп на решения общенациональной власти.

В рамках нашей гипотезы 2 мы предположили, что процесс нациестроительства в новых государствах на постсоветском пространстве оказался гораздо более сложным для постимперской политики (Российской Федерации), чем для ее национальных окраин. Вследствие этого в государственной национальной политике России на рубеже 2020-х годов возникает период выбора из нескольких моделей этнополитического ароморфоза как типа нациестроительства, а именно: сделать ставку на формирование русской политической нации в русле этнополитического ароморфоза с «переплавкой» этнических меньшинств и мигрантов из ближнего зарубежья, гарантируя при этом большую устойчивость политической системы или продолжать линию на формирование гражданской нации «россияне» без гарантии успеха, сталкиваясь с серьезными притязаниями (политическими, культурными, экономическими) этнических региональных автономий (ЭРА) [32, С. 17].

При этом при формировании русской политической нации (идея Русского мира) речь идет не о модели идиоадаптации и не о модели катаморфоза, а о гибридной модели. В пользу данного политического курса говорит и факт проявления интереса русских, а также тех, кто соотносит себя с русской нацией-цивилизацией, в переходные времена обретения идентичности [29, С. 79]. Под переходными временами в нашем случае понимаются все аспекты проведения СВО на Украине. Немаловажную роль в формировании русской политической нации играет и становление фронтальной идентичности русских на постукраинском пространстве [30, С. 305], оказывающей влияние на данный процесс нациестроительства с точки зрения наличия пассионарности у данного типа идентичности.

Американский политолог и историк Джозеф Ротшильд в своей классической работе «Этнополитика» отмечал, что доминирующая этническая группа в государстве, как правило, отвергает две радикальные из пяти основных целей подчиненных этнических групп – сецессию и государственный переворот в существующей политике в интересах подчиненных групп. Для того чтобы не произошло этих двух сценариев, суще-

ствующие этнократии, как отмечает Д. Ротшильд, в отношении подчиненных групп реализуют различные тактики, в том числе (1) геноцид, (2) выселение, (3) преднамеренное игнорирование политических требований подчиненных групп, (4) принудительную ассимиляцию, (5) не принуждаемую (не агрессивную) аккультурацию, (6) дробление большой подчиненной этногруппы на более мелкие («макиавеллистская федерализация») [35, С. 164].

К этим этнополитическим тактикам ряда национальных государств, в том числе и новых, М. Манн добавляет еще один сценарий, который он называет этническими чистками, являющимися «неотъемлемым признаком современности» и темной стороной демократии [22, С. 40].

Процесс этнополитического ароморфоза в его радикальном варианте – в виде катаморфоза – характерен для **прибалтийского кейса** (с латышскими, литовскими, эстонскими вариациями). Политическим феноменом, реализуемым на практике в прибалтийских этнократиях, является укорененность с 1990-х годов определенного типа государственной политики. И этот тип политики – объявление неграждан, в первую очередь русских, в суверенных латышской и эстонской политиях. Опорой в осуществлении данного феномена на практике выступает институт нового государства и доминирующие этнические группы (титульные нации), а основной политической технологией в процессе нациестроительства – репрессивная толерантность по Г. Маркузе как сочетание либеральных ценностей и насилия, использование различных средств устрашения [23, С. 100].

Если исходить из теории этнополитики Д. Ротшильда, то прибалтийские этнократии оказывают сильное политическое воздействие и на субэлиты подчиненных групп, и на сами подчиненные этнические группы. В частности, важно отметить процесс интеграции субэлиты подчиненных групп (русских и русскоязычных), интегрируя их во властный компонент политических режимов (пример, Нил Ушаков в Латвии). Кроме того, важно отметить и агрессивность этнократических прибалтийских режимов в отношении подчиненных групп посредством выдавливания из общения языка подчиненных групп (русского языка), жесткой образовательной, культурной и языковой политики. При этом распространенной тактикой литовских, латышских, эстонских этнократий стала политика выселения русских и русскоязычных жителей из новых Прибалтийских государств, перераспределения власти между доминирующей и подчиненными группами в пользу первой (непринужденная аккультурация), принудительная ассимиляция на почве гражданской (государственной) идентичности латышей, литовцев, эстонцев.

Происходящее этнополитическое «расщепление» и «растворение» русских в новых государствах Прибалтики подчеркивает: 1) отсутствие масштабного организованного гражданского легитимного сопротивления русских общин политическим режимам прибалтийских этнократий, 2) системной работы государственных структур РФ и российских НКО по поддержке русских соотечественников-неграждан в прибалтийских государствах. Вместе с тем, стоит отметить, что единичные акции протестной активности русских не только проходили (акция по защите «Бронзового солдата» в Эстонии), которые представляли собой форму политической самоорганизации и мобилизации русских по защите своих индивидуальных и коллективных прав на свою этническую идентичность.

Этнополитические эффекты «расщепления» и «растворения» русских подчеркивает и массовое участие русских в ВС Украины во время проведения Россией специальной военной операции (СВО) на постукраинском пространстве. На наш взгляд, это стало следствием агрессивной национальной политики государства Украина, в том числе и посредством правового исключения русских как этнического меньшинства в законодательных и нормативных актах страны. А затем и исключения русских в 2023 году как этнической группы на Украине в виде политических заявлений и деклараций ряда государственных деятелей данного политического режима.

В рамках гипотезы 3 мы доказываем, что доминантные этнические группы в новых государствах (титulyные нации), как правило, заинтересованы в «переплавке» этнических меньшинств, а подчиненные этнические группы обладают разными мотивациями и разными способностями к интеграции в новые этнические и гражданские идентичности. В данном ракурсе, на наш взгляд, срабатывает ароморфозное притяжение мягких, эластичных этнических групп (например, русских) к сконструированным гражданским и этническим идентичностям в Прибалтике, на Украине. Жесткие этнические идентичности, к примеру, узбеков, казахов, таджиков, азербайджанцев, не гарантируют их массовое вхождение, к примеру, в политическую нацию россиян, даже при получении ими гражданства РФ. И здесь срабатывает ароморфозное отталкивание, что создает проблемы для этнополитической стабильности в стране, устойчивости политической системы.

Важно иметь в виду и следующее. В современных условиях функционирования новых государств на постсоветском пространстве важно обратить внимание на то, что крайние, иногда радикальные, модели этнополитического ароморфоза как типа нациестроительства не со-

действуют этнополитической стабильности и устойчивости политических систем общенациональных политий. В русле гипотезы 4 авторы утверждают, что модель идиоадаптации (например, в России) не способствует формированию политической нации, которую логично выстраивать вокруг доминантной этнической группы русских – государствообразующего народа. Не дает нужного эффекта в политической состоятельности новых государств и радикальная модель катаморфоза по отношению к подчиненным этническим группам. Пример – Украина, республики Прибалтики, Молдавия, Грузия. Данная модель приводит к усилению агрессии в обществе и тормозит процесс социально-экономического развития новых политий. Кроме того, она создает прецеденты для участия внешних акторов в таргетировании политических деструкций внутри данных государств в виде военных конфликтов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги в представленной научной статье, авторы отмечают следующее. Во-первых, это возможность результативного применения дефиниции ароморфоза (биологические науки) в социальных науках (социологии, политологии) в ракурсе эволюционных процессов этнополитического ароморфоза. Это позволило авторам данной статьи рассмотреть ароморфозные изменения в трансформации социально-политических организмов (этнических групп) и социально-политических систем новых государств на постсоветском пространстве. При этом изменения могут быть позитивными или негативными с точки зрения устойчивости и стабильности социально-политических систем конкретных государств.

Во-вторых, логично и обоснованно стоит рассматривать этнополитический ароморфоз как один из типов нациестроительства. Нациестроительство, на наш взгляд, стоит определить как сочетание этнического фактора, в частности, национализма, сопряженного с политическими ценностями государства, разделяемыми большинством населения политии. Процесс нациестроительства активно идет в большинстве бывших республик СССР. Что касается Российской Федерации, то процесс нациестроительства, как нам представляется, пока не нашел ни эффективного этнополитического механизма, ни должного определения данного процесса или правдоподобной метафоры, коррелирующихся со сложными взаимоотношениями федерального центра с этнорегиональными территориями (ЭРТ) с практически неконтролируемыми миграционными процессами в стране.

В-третьих, авторы представили в научный дискурс парадигму этно-

политического ароморфоза и парадигмальную теорию трансэтнических переходов в новых государствах. Под этнополитическим ароморфозом мы понимаем процесс трансформации этнических идентичностей как эволюционной, так и радикальных трансформаций. Данная парадигма позволяет нам предложить в научный политологический дискурс и три модели этнополитического ароморфоза. Первая модель – это модель идиоадаптации (приспособления, незначительных эволюционных изменений) подчиненных этнических групп к политическому порядку, формируемому государством либо государством с титульными нациями. Вторая модель – это модель этнополитического катаморфоза, или этнополитической дегенерации, трансэтнического перехода подчиненных групп в другие этнические и гражданские идентичности в условиях репрессивной толерантности государства, правящих этнократий в новых политиях. Авторы считают также возможным выделение и третьей модели (гибридной модели этнополитического ароморфоза) – фактически движения от модели идиоадаптации к модели управляемых регрессивных изменений в положении подчиненных этнических групп.

В-четвертых, в рамках парадигмы этнополитического ароморфоза мы сформулируем и сущность парадигмальной теории трансэтнических переходов. Для подчиненных этнических групп по отношению к доминантным этническим группам (титульным нациям) в новых государствах всегда характерен принципиальный этнополитический выбор с формированием двух поведенческих линий. С одной стороны, проявить эластичность и осуществить трансэтнический переход в гражданскую (государственную) идентичность или принять этническую идентичность титульной нации. С другой стороны, не менять свою этническую идентичность, формируя легальное сопротивление процессу этнополитического аншлюса титульными нациями в отношении подчиненных этнических групп.

В-четвертых, результативность степени и эффекта воздействия этнополитического ароморфоза в государственной национальной политике, прогрессивность конкретных этнополитических изменений (коррекции или трансэтничности) можно проверить только в долгосрочной перспективе. Вместе с тем крайние, иногда радикальные модели этнополитического ароморфоза как типа нациестроительства не содействуют этнополитической стабильности и устойчивости политических систем общенациональных политий. Мы утверждаем, что модель идиоадаптации (например, в России) не содействует формированию политической нации, которую логично выстраивать вокруг доми-

нантной этнической группы русских – государствообразующего народа. Не дает нужного эффекта в политической состоятельности новых государств и радикальная модель катаморфоза по отношению к подчиненным этническим группам. Пример – Украина, республики Прибалтики, Молдавия, Грузия. Перспективной авторам видится гибридная модель этнополитического ароморфоза, способствующая формированию политической нации, этнополитической стабильности и устойчивости политических систем новых государств, приемлемому формату диалога титульных наций и подчиненных этнических групп, продуктивному внешнеполитическому сотрудничеству новых политий постсоветского пространства на международной арене.

Библиография / References:

1. Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина. Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 688 с. – С. 117.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с. – С. 15.
3. Астафьева Е.М. Нациестроительство в гетерогенном обществе: проблема выбора пути / Е.М. Астафьева. *Tempus Memoria*. – 2016. – Том 11, № 1. – С. 52–66. – С. 54.
4. Ачкасов В.А., Абалян А.И., Андреев А.А., Никифоров А.А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст: коллективная монография / отв. Ред. В.А. Ачкасов, А.И. Абалян. – СПб.: Изд-во РХГА, 2021. – 640 с. – С. 57.
5. Багдасарян В.Э. Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения / В.Э. Багдасарян, Сильвестр (Лукашенко), архимандрит; науч. ред. Ю.Ю. Иерусалимский. – Ярославль: ООО «СПК», 2022. – 256 с. – С. 46.
6. Балибар Э. Нация как форма: история и идеология /Этьен Балибар. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности; Пер. группы авторов под ред. Д. Скопина, Б. Кагарлицкого, Б. Скуратова. М.: Логос-Альтера, *Essenotom*, 2003. – С. 102-124. – С. 112.
7. Брубейкер Р. Этничность без групп /Р. Брубейкер; пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

8. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности». Р. Брубейкер, Ф. Купер. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма М.: Новое издательство, 2010. – С. 131-192. – С. 141.
9. Валлерстайн И. Конструкция народа: расизм, национализм, этническая принадлежность. И. Валлерстайн. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности; Пер. группы авторов под ред. Д. Скопина, Б. Скуратова. М.: Логос-Альтера, ЕссеНото, 2003. – С. 85-101. – С. 98.
10. Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этнополитическом фаворитизме. Тату Ванханен: пер с англ. Д.О. Румянцева; вступ. Статья В.Б. Андреева. М.: Кучково поле, 2014. – 288 с. – С. 227.
11. Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? Гарольд Гарфинкель. Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: «Владимир Даль», 2008. – С. 110-144.
12. Гринин Л.Е. Макроэволюция в живой природе и обществ. Гринин Л.Е., Марков А.В., Коротаев А.В. Отв. Ред. Н.Н. Крадин. М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 248 с. – С. 9.
13. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Макроэволюция и мир-система: новые грани концептуализации Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев История и современность. 2008. – №1. Март. – С. 3-31. – С. 8.
14. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. Лия Гринфельд; пер. с англ. Т.И. Грингольц, М.Р. Вирозуб. М.: ПЕР СЭ, 2008. 528 с. – С. 19.
15. Гумилев Л. Зигзаг истории. Гумилев Л. Открытие Хазарии / Лев Николаевич Гумилев. – М.: Издательство АСТ, 2021. – С. 215 – 372; С. 227.
16. Давиташвили Л.Ш. Учение об эволюционном прогрессе (теория ароморфоза) Л.Ш. Давиташвили. Тбилиси: «Мецниереба», 1972. 324 с. С. 8.
17. Калхун К. Национализм. КрэйгКалхун; пер. с англ. А. Смирнова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 288 с. – С. 75.
18. Касл С. Век миграции: международное движение населения в современном мире / Стивен Каслс, Хейн де Хаас, Марк Дж. Миллер; пер. с англ. под науч. ред. В.С. Малахова. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2022. – 512 с. – С. 95.

19. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай /С.И. Каспэ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 191 с. – С. 15.
20. Кун Т. Структура научных революций. Т. Кун; пер. с англ. И.З. Налтова, общ. ред. и посл. С.Р. Микуменского и Л.А. Марквой. М.: Издательство «Прогресс», 1977. – 304с. – С. 61
21. Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание / Майкл Манн // Нации и национализм / Б. Андерсон, О Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. И нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. – С. 381-410. – С. 384.
22. Манн М. Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток /Майкл Манн; Пер. с англ. Д.и М. Сливняк, В. Туза; Научн. Ред. В. Малахова, А. Дюкова, С. Карамеева; Предисл. В. Малахова. М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2016. – 928 с. – С. 40.
23. Маркузе Г. Репрессивная толерантность //Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике /Герберт Маркузе; пер. с англ. А.А. Юдина. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С.98-138. – С. 100.
24. Медведева О. О. Американский мультикультурализм: интеллектуальная история и социально- политический контекст / О.О. Медведева; под науч. Ред. М.В. Пономарева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 448 с.
25. Мельвиль А.Ю. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности /А.Ю. Мельвиль, Д.К. Стукал, М.Г. Миронюк //Полис. – 2012. – №2. – С. 8-30. – С. 10.
26. Михалева Г.М. Де-факто государства на территории СССР: транзит без международного признания /Г.М. Михалева //Мировой порядок – время перемен /Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-голтвинной. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 189-205; С. 191.
27. Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. /Госкомстат СССР. М.: «Финансы и статистика», 1990. – 45 с. – С. 8.
28. Налчаджян А.А. Этногенез и ассимиляция (психологические аспекты) /А.А. Начаджян. М.: «Когито-Центр», 2004. – 216 с. – С. 44.
29. Национальная идентичность в русской культуре /под ред. Саймона Франклина и Эммы Уидис; пер. с англ. В.Л. Артемова. М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 254 с. – С. 79, 87.

30. Нечаев Д.Н. Становление фронтальной идентичности на постсоветском пространстве: ценностно- символический ракурс / Д.Н. Нечаев // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, 2-3 декабря 2022 г. /Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Аспект Пресс, 2022. – С. 305.
31. Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России /Э.А. Паин. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 328 с. – С. 178.
32. Панов П.В. Этнические региональные автономии//Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств /под ред. П.В. Панова. М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 17-30. – С. 17.
33. Перегудов С.П. Национально- государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства //Полис. – 2011. - №3. – С.141-163. , С.143.
34. Подвинцев О.Б. Идея «несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте /О.Б. Подвинцев //Научные ведомости Института философии и права Уральского отделения РАН. 2007. – №7. – С.204-214.; С. 205.
35. Ротшильд Д. Этнополитика /Джозеф Ротшильд //Этнос и политика: Хрестоматия /Авт.-сост. А.А. Прусаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – С. 161-165. ,С. 164.
36. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. 2-е изд., переработ. и доп. /А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 320 с.
37. Северцов А. Н. Морфологические закономерности эволюции. Изд. 2-е. /А. Н. Северцов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 560 с. – С. 88.
38. Спенсер Г. Политические сочинения: в 5 т. Т. IV: Политические опыты /Г. Спенсер. – М.: Челябинск: Социум, 2015. – 549 с. – С. 7.
39. Тилли Ч. Демократия /Чарльз Тилли. – М.: АНО «Институт общественного проектирования, 2007. – 264 с., С. 195-197.
40. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность /Йоран Терборн; пер. с англ. А. Королева; под науч. Ред. В. Данилова. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. 472 с. С. 37.
41. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма / Н.И. Ульянов. – М.: Грифон, 2007. 296. С. 20.

42. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. /Э. Хобсбаум; пер. с англ. А.А. Васильев. – СПб.: Алетейя, 2017. – 308 с. – С. 74.
43. Чертина З.С. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития в США /З.С. Чертина. – М.: ИВИ РАН, 2000. 164 с. – С. 47.
44. Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ /С.В. Чешко. М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН, 1996. – 310 с., С. 193.
45. Шмальгаузен И. И. Пути и закономерности эволюционного процесса. Избранные труды /И. И. Шмальгаузен.–М.: Наука, 1983. – 360 с., С. 14.
46. Эйджейм Х. Когда этническая идентичность становится социальным стигматом? /ХарольдЭйджейм //Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей /Под. Ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 49-71., С. 50.
47. Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография /под. ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. – М.: Директ-Медиа, 2021. – 392 с. – С. 197.
48. Benjamin R. Barber. ReflectionP on the McRevolution: A Review of Jihad vP. McWorld: How the Planet IP Both Falling Apart and Coming Together and What ThiP MeanP for Democracy. TimePBookP, 1995,381 pp.
49. Brubaker R. TranP: Gender and RaPe in an Age of UnPettled identitieP /R. Brubaker. - Princeton, NewjerPy: PubliPhed by Princeton UniverPity PrePP, 2016. – 236 p., P. 17.
50. Horowitz D. Ethnic groupP in conflict / D. Horowitz. - Berkeley, LoP AngeleP, London: UniverPity of California PrePP,1985. – 707 p.,P. 291-292.
51. Lijphart A. Multiethnic Democracy /ArendLijphart //The Encyclopedia of Democracy. Ed. P.M. LipPet. Vol 3. – WaPhington D.C.: CongrePPional Quarterly Inc., 1995. – P.856-861.
52. RothPchildJ. EthnopoliticPaconceptualframework – NewYork: ColumbiaUniverPityPrePP, 1981. – 290 p.
1. Azerbajdzhan, Armeniya, BeloruPPiya, Gruzziya. KazahPtan, Kirgiziya, Moldaviya, RoPPiya, TadhikiPtan, TurkmeniPtan, UzbekiPtan, Ukraina. Povremennye mezhdunarodnye otnoPheniya /Pod red. A.V. Torkunova, A.V. Mal'gina. M.: Izdatel'Ptvo «APpekt PrePP», 2017. – 688 p., P. 117. (In Russ.)

2. APPman A. Novoe nedovol'Ptvo memorial'noj kul'turoj. Alejda APman; per. P nem. B. Hlebnikova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 232 p., P. 15. .(In Russ.)
3. APtaf'eva E.M. NaciePtroitel'Ptvo v geterogennom obPhchePtve: problema vybora puti . E.M. APtaf'eva . TempuPetMemoria 2016. – Tom 11, №1. – P.52-66., P. 54. .(In Russ.)
4. AchkaPov V.A., Abalyan A.I., Andreev A.A., Nikiforov A.A. EtnopolitichePkie konflikty i mobilizaciya v Povremennom mire: poP-tPovetPkij kontekPt: kollektivnaya monografiya /otv. Red. V.A. AchkaPov, A.I. Abalyan. PPb.: Izd-vo RHGA, 2021. – 640 p.,P. 57. .(In Russ.)
5. BagdaParyan V.E. Tradicionnye cennoPti: Ptrategiya civilizacionnogo vozrozhdeniya /V.E. BagdaParyan, Pil'vePtr (LukaPhenko), arhimandrit; nauch. red. YU.YU. IeruPalimPkij. YARoPlavl': OOO «PPK», 2022. – 256 P. , P. 46. .(In Russ.)
6. Balibar E. Naciya kak forma: iPtoriya i ideologiya /Et'en Balibar. Bali-bar E., VallerPtajn I. RaPa, naciya, klaPP. DvuPmyPlennye identichnoPti; Per. gruppy avtorov pod red. D. Pkopina, B. Kagarlickogo, B. Pkuratova. M.: LogoP- Al'tera, EPPeHomo, 2003. – P. 102-124., P. 112.(In Russ.)
7. Brubejker R. EtnichnoPt' bez grupp /R. Brubejker; per. P angl. I. Bor-iPovoj. M.: Izd. Dom VyPPhej Phkoly ekonomiki, 2012. – 408 P. .(In Russ.)
8. Brubejker R., Kuper F. Za predelami «identichnoPti». R. Brubejker, F. Kuper. Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma M.: Novoe izdatel'Ptvo, 2010. – P. 131-192., P. 141. .(In Russ.)
9. VallerPtajn I. KonPtrukciya naroda: raPizm, nacionalizm, etnichePkaya prinadlezhnoPt'. I. VallerPtajn. Balibar E., VallerPtajn I. RaPa, naciya, klaPP. DvuPmyPlennye identichnoPti; Per. gruppy avtorov pod red. D. Pkopina, B. Pkuratova. M.: LogoP-Al'tera, EPPeHomo, 2003. – P. 85-101., P. 98.(In Russ.)
10. Vanhanen T. EtnichePkie konflikty: ih biologichePkie korni v etnopolitichePkom favoritizme. Tatu Vanhanen: per P ang. D.O. Rumyanceva; vPtup. Ptat'ya V.B. Andreeva. M.: Kuchkovo pole, 2014. – 288 P., P. 227. .(In Russ.)
11. Garfinkel' G. CHto takoe etnometodologiya? Garol'd Garfinkel'. Po-ciologichePkaya teoriya: IPToriya, PovremennoPt', perPpektivy. Al'manah zhurnala «PociologichePkoe obozrenie». PPb.: «Vladimir Dal'», 2008. – P. 110-144. .(In Russ.)
12. Grinin L.E. Makroevolyuciya v zhivoj prirode i obPhchePtv. Grinin L.E., Markov A.V., Korotaev A.V. Otv. Red. N.N. Kradin. M.: Izdatel'Ptvo LKI, 2008. – 248 p. – P. 9. .(In Russ.)

13. Grinin L.E., Korotaev A.V. Makroevolyuciya i mir-PiPtema: novye grani konceptualizacii L.E. Grinin, A.V. Korotaev IPtoriya i PovremennoPt'. 2008. – №1. – Mart. – P. 3-31., P. 8.(In Russ.)
14. Grinfel'd L. Nacionalizm. Pyat' putej k PovremennoPti. Liya Grinfel'd; per. P angl. T.I. Gringol'c, M.R. Virozub. M.: PER PE, 2008. – 528 P. – P. 19.(In Russ.)
15. Gumilev L. Zigzag iPtorii. Gumilev L. Otkrytie Hazarii Lev Nikolaevich Gumilev. M.: Izdatel'Ptvo APT, 2021. – P. 215–372, P. 227.(In Russ.)
16. DavitaPhvili L.PH. Uchenie ob evolyucionnom progrePpe (teoriya aromorfoza) L.PH. DavitaPhvili. TbiliPi: «Mecniereba», 1972. 324 P. – P. 8. (In Russ.)
17. Kalhun K. Nacionalizm. KrejgKalhun; per. P angl. A. Pmirnova. M.: Izdatel'Pkij dom «Territoriya buduPhchego», 2006. 288 P. P. 75. .(In Russ.)
18. KaPl P. Vek migracii: mezhdunarodnoe dvizhenie naPeleniya v Povremennom mire /Ptiven KaPIP, Hejn de HaaP, Mark Dzh. Miller; per. P angl. pod nauch. red. V.P. Malahova. – M.: Izdatel'Pkij dom «Delo» RANHiGP, 2022. 512 P. P. 95. .(In Russ.)
19. KaPpe P.I. PolitichePkaya teologiya i nation-building: obPhchie polozheniya, roPPijPkij Pluchaj /P.I. KaPpe. M.: RoPPijPkaya politichePkaya enciklopediya (ROPPEN), 2012. – 191 P., P. 15. .(In Russ.)
20. Kun T. Pstruktura nauchnyh revolyucij. T. Kun; per. P angl. I.Z. Naltova, obPhch. red. i poPl. P.R. MikumenPkogo i L.A. Markvoj. M.: Izdatel'Ptvo «ProgrePP», 1977. – 304P. ,P. 61 .(In Russ.)
21. Mann M. Nacii-goPudarPtva v Evrope i na drugih kontinentah: raznoobrazie form, razvitie, neugaPanie /Majkl Mann //Nacii i nacionalizm /B. AnderPon, O Bauer, M. Hroh i dr.; Per. P angl. I nem. L.E. PereyaPlavcevoj, M.P. Panina, M.B. GnedovPkogo. M.: PrakPiP, 2002. – P. 381-410. ,P. 384. .(In Russ.)
22. Mann M. Temnaya Ptorona demokratii: Ob"yaPnenie etnichePkikh chiPtok /Majkl Mann; Per. P angl. D.i M. Plivnyak, V. Tuza; Nauchn. Red. V. Malahova, A. Dyukova, P. Karamaeva; PrediPl. V. Malahova. M.: Izdatel'Ptvo «Pyatyj Rim» (OOO «BePtPeller»), 2016. – 928 P., P. 40. (In Russ.)
23. Markuze G. ReprePPivnaya tolerantnoPt' //KritichePkaya teoriya obPhchePtva: Izbrannye raboty po filoPofii i Pocial'noj kritike /Gerbert Markuze; per. P angl. A.A. YUdina. – M.: APT: APtel', 2011. – P.98-138., P. 100. (In Russ.)
24. Medvedeva O. O. AmerikanPkij mul'tikul'turalizm: intellektual'na-ya iPtoriya i Pocial'no- politichePkij kontekPt /O.O. Medvedeva; pod nauch.

Red. M.V. Ponomareva. M.: Izdatel'Pkiy dom «Delo» RANHiGP, 2016. – 448p.(In Russ.)

25. Mel'vil' A.YU. Traektorii rezhimnyh tranPformacij i tipy goPudarPtvennoj PoPtoyatel'noPt'i /A.YU. Mel'vil', D.K. Ptukal, M.G. Mironyuk //PoliP. 2012. №2. P. 8-30. P. 10. .(In Russ.)

26. Mihaleva G.M. De-fakto goPudarPtva na territorii PPPR: tranzit bez mezhdunarodnogo priznaniya /G.M. Mihaleva //Mirovoj poryadok – vremya peremen /Pod red. A.I. Polov'eva, O.V. Gaman- golutvinoj. M.: Izdatel'Ptvo «APpekt PrePP», 2019. P. 189-205. P. 191. .(In Russ.)

27. NaPelenie PPPR: Po dannym VPePoyuznoj perepiPi naPeleniya 1989 g. /GoPkomPtat PPPR. M.: «FinanPy i PtatiPtika», 1990. 45 P. – P. 8. (In Russ.)

28. Nalchadzhyan A.A. Etnogenez i aPPimilyaciya (pPihologichePkie aPpekty) /A.A. Nachadzhyan. M.: «Kogito-Centr», 2004. – 216 P., P. 44. (In Russ.)

29. Nacional'naya identichnoPt' v ruPPkoj kul'ture /pod red. Pajmona Franklina i Emmy UidiP; per. P angl. V.L. Artemova. M.: PolitichePkaya en- ciklopediya, 2014. – 254 P., P. 79, 87 (In Russ.)

30. Nechaev D.N. Ptanovlenie frontirnoj identichnoPt'i na poP- tPovetPkom proPtranPtve: cennoPtno- PimvolichePkij rakurP / D.N. Nechaev //PolitichePkie vyzovy i politichePkij dialog v uPloviyah global'noj turbulentnoPt'i: Materialy VPeroPPijPkoj konferencii RAPN P mezhdunarodnym uchaPt'em. MoPkva, INION RAN, .(In Russ.)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 07.09.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 25.11.2023.

Выход в свет 28.12.2023.